

Коллектив авторов

**Великая реформа: Русское общество и
крестьянский вопрос в прошлом и
настоящем**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Том 1 / Коллектив авторов – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 339 с.

ISBN 978-5-518-01153-3

ISBN 978-5-518-01153-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

19 февраля 1911 года—праздник прогрессивного русского общества. Именно прогрессивного, и его одного. Реакционные круги заранее торопятся сказать, что это будет не их праздник. Уже за несколько месяцев до юбилей теперешние крѣпостники начали свои лицемерныя причитанія по поводу того, что «либералы» собираются праздновать годовщину 19 февраля, и на страницах тѣхъ органовъ, гдѣ пишутъ наемныя идеологи феодальной реакціи, можно было не такъ давно прочесть такой панегирикъ крѣпостному укладу:

«Осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ до 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Чѣмъ-то либеральная Россія вспоминаетъ годовщину знаменитаго дня? Неужели только затасканными фразами: «свѣте великое (?!), доброе, вѣчное», и пр.? Неужели повтореніемъ все тѣхъ же невѣжественныхъ и несправедливыхъ проклятій крѣпостной культуры, которая вскормила и вспоила самихъ господъ либераловъ, да и теперь еще продолжаетъ подкармливать ихъ... не только матеріально, но и духовно? Въ самомъ дѣлѣ, выкиньте-ка изъ русскаго современнаго просвѣщенія такіе продукты крѣпостной культуры, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Грибѣдовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой—много ли останется отъ русскаго литературы? Выкиньте все, что дала крѣпостная культура русскаго музыка, живописи, театру, наукѣ, технике, военному дѣлу. Тошій остатокъ послѣ крѣпостной культуры покажется еще болѣе жалкимъ, если изъ него вынуть умственный капиталъ предковъ и имѣть дѣло лишь съ пореформенными процентами».

Трагедія эта явно разсчитана на тѣхъ послѣднейшей феодально-крѣпостническаго міровоззрѣнія, которые читаютъ «Нов. Время» и сидятъ въ советѣ объединеннаго дворянства. Потому что для всякаго другого такіа разсужденія будутъ доказывать только одно: что авторъ либо умышленно ослѣпляетъ себя социологическими абераціями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ социологическихъ конструкціяхъ.

Когда Аристотель прославлялъ рабскую культуру,—это было понятно и естественно: онъ не зналъ, какіе плоды способна дать культура, построенная не на рабствѣ. Когда рабство прославляютъ теперешніе идеологи крѣпостничества,—это просто дико. Нбо стоитъ посмотрѣть кругомъ на сосѣдей, гдѣ много вѣковъ назадъ исчезло крѣпостное право, и мы увидимъ, что ни для культурнаго блеска ни для расцвѣта международной мощи страны нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ фундаментѣ изъ рабскаго труда. Наоборотъ, гениальные политики, какъ дѣятели революціи во Франціи, какъ баронъ Штейнъ въ Пруссіи, умѣли понять—и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ родною—что только распадѣніе крѣпостныхъ узъ способно открыть національный гений, обнаружить во всемъ блескѣ силы и дарованія народа, раскрыть всю необъятную ширь народной души.

Что касается приведеннаго мудраго разсужденія, то прежде всего нужно доказать, что все упоминающіеся тамъ корифеи русскаго литературы были бы невозможны безъ крѣпостнаго права. Положеніе—явно недоказуемое, нбо рядомъ съ нимъ можно съ такимъ же успѣхомъ поддерживать тезисъ прямо противоположный: что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и т. д. сдѣлались тѣмъ, чѣмъ сдѣлались, вопреки крѣпостной культурѣ. И такъ какъ крѣпостники побиваются простымъ логическимъ орудіемъ, то нѣтъ никакой необходимости переводить споръ на идейную плоскость и говорить о моральной недонустимости крѣпостнаго строя, о ненормальности того факта, что единичные цвѣты генія расцвѣтали на почвѣ, взрыхленной кровью и страданіями миллионны.

Во всякомъ случаѣ очень хорошо уже то, что современные крѣпостники заранее отмежевываются и не желаютъ принимать участія въ юбилейныхъ торжествахъ. На ихъ праздникъ отъ этого будетъ только свѣтлѣе, радостнѣе и уютнѣе. А они—пусть себѣ омазываютъ крокодиловыми слезами безвозвратно кауцующія въ вѣчность времена Салтычихи и военныхъ поселеній. Только напрасно пристегиваютъ они къ своимъ сокрушеніямъ имена великихъ русскихъ

Но хотя выросли въ обстановкѣ крѣпостной культуры, но были ей враждебны по натурѣ. Ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Достоевскій, ни Островскій, ни Толстой не проливали слезъ по крѣпостному праву и не сочиняли палеприковокъ по крѣпостной культурѣ. Тѣмъ великихъ русскихъ людей, которыхъ хотѣлъ оклеветать современскій писатель, въ нашемъ лагерѣ.

Прогрессивная Россія хорошо понимаетъ смыслъ великой реформы 19 февраля. Она не будетъ теперь преувеличивать ея значенія, но тѣмъ сознательнѣе помнитъ она ея пятидесятилетнюю годовщину. Задача настоящаго сборника—помочь выработкѣ такого сознательнаго отношенія при помощи данныхъ, добытыхъ до сихъ поръ русской наукою.

Детальное изученіе исторіи нашего крестьянства въ сущности началось сравнительно недавно. Знакомство съ его исторіей во всей полнотѣ возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, основныя линіи эволюціи крестьянства поддаются учету уже и теперь. Это будетъ видно изъ бѣлаго обзора литературы.

Научное изученіе исторіи крестьянскаго сословія началось почти наканунѣ самой реформы. Пионеромъ въ этомъ отношеніи явился проф. Московскаго университета Н. Д. Бѣляевъ, выпустившій замѣчательную для того времени работу «Крестьяне на Руси» (1858). Бѣляеву хотѣлось дать полную исторію крестьянскаго сословія до начала XIX в., когда начинается процессъ медленнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Работа Бѣляева не потеряла своего значенія и для нашего времени, такъ какъ въ ней впервые прирешены въ систему весь изданный до того времени архивный и законодательный матеріалъ. Работа Бѣляева—трудъ юридическій по преимуществу; онъ, главнымъ образомъ, занятъ изученіемъ измѣненій гражданской правоспособности и дѣеспособности крестьянъ въ зависимости отъ хода законодательства. Обработка только одного законодательнаго матеріала лишила Бѣляева возможности вскрыть генезисъ крѣпостного права. Какъ юристъ, привыкшій оперировать съ юридическими нормами власти, Бѣляевъ, а еще раньше Татищевъ, Карамзинъ, Шостакъ и Чичеринъ, Соловьевъ, приписываетъ установленіе крѣпостного права одностороннему дѣйствию правительственной власти, обусловленному тѣмъ, что государство въ XVI вѣкѣ переживало тяжелый финансовый и политическій кризисъ. Установленіе крѣпостного права относятъ къ указу 1592 г., который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ быть изданъ, по котораго до сихъ поръ еще никто не разыскалъ и о которомъ нельзя найти даже приблизительныхъ намековъ въ извѣстномъ теперь матеріалѣ.

Съ точки зрѣнія Н. Д. Бѣляева и его сторонниковъ, крѣпостное право носило поземельный характеръ, почти не касалось личности крестьянина и вѣсколько не ограничивало его какъ правыхъ. Сокращеніе крестьянской правоспособности—дѣло XVIII вѣка, продуктъ дѣянія другихъ причинъ, въ которыхъ правительство XVI в. неповинно. Крестьянинъ въ XVI—XVII вв. поврежнему оставался вполне правоспособнымъ человекомъ, платящимъ подать и членомъ своей общины, которая не исчезла даже и на владѣльческихъ земляхъ. Такая сущность юридической теоріи въ вопросѣ о генезисѣ крѣпостного права. Види въ государствѣ отраженіе народнаго дума, историко-юридическая литература, конечно, могла забыть о народѣ и его бытѣ, на что неоднократно указывалось К. С. Аксаковымъ въ разборѣ выходившихъ томовъ исторіи С. М. Соловьева. Юридическая точка зрѣнія по вопросу о генезисѣ крѣпостного права нашла весьма талантливаго защитника въ лицѣ Сергѣевича и его ученика Дебольскаго.

Пересмотр оснований юридической теории как раз совпал с моментом резкого перелома в нашей историографии, связанным с именем В. О. Ключевского, в связи с появлением его замечательных работ «Боярская дума древней Руси» и статей о «Происхождении крепостного права в России» («Русская Мысль», 1885, 8 и 10). Сергеевичу приходилось не только заново конструировать генезис крепостного права с точки зрения юридической теории, но и потратить не мало усилий и неудачного остроумия на опровержение положений, выдвинутых В. О. Ключевским и его школой. Полюс направления в историографии отводит государству в вопросе установления крепостного права второстепенную роль. Крепостное право зародилось вне всякого влияния государственной власти. Последняя лишь закрепила законами те отношения, которые создались между помещиками и крестьянами. Законодательная формулировка юридического состояния крестьянина вместе с категорическим прикреплением появляется лишь в Уложении 1649 года. Конечно, В. О. Ключевский, а за ним и его школа отрицают существование указа 1592 г., как совершенно неизвестного и к мысли о котором можно было прийти только после предвзятого толкования указа 1597 г. о взыскании нековъ о бѣбелыхъ. Методологические приемы работы В. О. Ключевского существенно отличались от приемов других исследователей генезиса крепостного права. Вся его работа основана на изучении огромного архивного материала: писцовых книг, порядных, кабалных и др. грамот. Привлечение архивного материала дало возможность изучить положение крестьянина в жизни, а не только сквозь призму голаго законодательного материала. По мысли В. О. Ключевского, крепостное право сразу приняло личный характер: отчасти благодаря суду, при помощи которого строилось благосостояние помещика, дававший ему право на «крестьянские животы», и некоторому сближению кабального холопства с крепостным крестьянством, а также и влиянию юридической природы первого на второе.

Гипотеза В. О. Ключевского нанесла непоправимый удар юридической теории, и фактически она скоро стала общепризнанной в научной литературе. Последующая историография, развивая основные положения В. О. Ключевского, внесла кое-какие дополнения, но генезис крепостного права объясняется ростом крестьянской задолженности. С этой точки зрения цѣнна работа П. А. Рожкова «Сельское хозяйство XVI в.», рисующая рост крестьянской задолженности на фоне экономической эволюции Московского государства.

Значительно меньше удѣлено вниманія крестьянству в XVII в. Вообще история постепенного закрепощения в связи с отменной урочных лѣтъ в рядѣ работ разработана довольно полно. Менѣе ясенъ вопросъ о характерѣ крепостного права, какъ оно формулировано в Уложении 1649 г. Иллюстраціей фактического положенія крестьянина в большой вотчинѣ можетъ служить извѣстная статья П. Е. Забѣлина «Большой бояринъ в своей вотчинѣ». Она даетъ возможность опредѣлить, какой характеръ принимало крепостное право на практикѣ. Распоряженіе трудомъ и личностью крестьянина и заявленіе притязанія на его «животы», судебная отвѣтственность во всякаго рода искамъ, цѣлая система штрафовъ и наказаній, конечно, говорили о доминированіи личного элемента въ крепостномъ правѣ.

Помѣщичье хозяйство в XVII вѣкѣ почти не изучено, отчасти по недостатку матеріаловъ, но постоянное бѣгство на югъ и запустѣніе замосковскихъ и центральныхъ мѣстностей, только что оправившихся послѣ Смуты, говорили о тяжеломъ положеніи населенія. Работа Ю. В. Готье «Замосковский край» знакомитъ читателя съ экономическимъ бытомъ московской Руси, даетъ обиліе матеріала, рисующаго экономическое положеніе крестьянина. Съ этой же стороны интересны работы Перетятковича о Поволжьѣ в XVII в. и Млклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», знакомящіи съ бытовой обстановкой жизни крестьянина-новосела, большей частью бѣглеца, на вновь

колони — в таких полях. Очень важна для изучения экономического быта крестьянства работа А. С. Ланцо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве», а в указанной работе Ю. В. Готье приведены данные, знакомящие с особенностями приема на крестьянских финансово-политики правительства. Автор констатирует все увеличивающийся рост государственного тягла, а в связи с ростом и земледельческого тягла подумается достаточно яркая картина экономического положения крестьянства. Это вполне выпячивает реальную причину народных волнений XVII в.

Изучая судьбы крестьянства в XVII в., В. О. Ключевский подметил весьма любопытное явление, впоследствии ставшее предметом специальной работы М. А. Дьяконова, — постепенное сближение холодства с крестьянством, благодаря тому, что холопы сажались на пашню, за недостатком собственно крестьянских рук. Окончательное сближение уже относится к Петровской эпохе и находится в связи с установлением подушной подати, что впервые было блестяще доказано В. О. Ключевским в его статьях «Подушная подать и отмена холодства на Руси» и пересмотрено проф. Деном в его статистико-экономической работе «Население России по пятой ревизии».

И чернососные крестьяне сравнительно слабо затронуты изучением, но все-таки кое-что существенно сделано. Выявлен факт их постепенного исчезновения в центр и Замосковье в связи с развитием помещичьего землевладения. Г-жа Ефименко в своих «Исследованиях народной жизни» коснулась особенностей крестьянского землевладения на севере, подмеченного ею на основании изучения архивного материала. Тем же вопросом касаются и работы П. Иванова об истории землевладения и поземельных союзах и переделах на севере. Последнее время историография по этому вопросу обогатилась замечательным трудом М. М. Богословского, детально изучившего на основании огромного архивного материала самоуправление в стране чернососного крестьянства — Поморье.

Петровская эпоха в истории крепостного права довольно слабо разработана в литературе. Кроме работы Бялева, необходимо указать на «Исторические исследования и статьи» Победоносцева. Работа последнего, тоже юридическая по преимуществу, но тонкой подчас анализ юридических памятников, чуждой предвзятой точки зрения, дает возможность установить, вопреки мнению Бялева, что Петровское законодательство не внесло ничего нового в характер крепостной неволи, так как тенденция к превращению поземельного прикрепления в личное намечалась уже в XVII в. Нам неизвестны быт помещичьей деревни в Петровскую эпоху, и сейчас трудно отчетливо представить себе отношение крестьянина к помещику, а зато работы П. П. Милокова «Государственное хозяйство при Петре» рисуют нам тяжелое положение крестьянина, как плательщика податей, всю тяжесть наваливших на его плечи. По истории крестьянства в XVIII веке можно отметить ряд работ. Крепостное право в XVIII веке было уже затронуто историком русского дворянства А. В. Романовичем-Славатиным, коснувшись вопроса о закрепощении крестьян в XVIII веке, в связи с ростом дворянских прав и привилегий. В работе А. В. Романовича-Славатинского крепостное право затронуто в общих чертах, но все-таки ему удалось отметить основные черты крестьянской неволи в XVIII в. Особенно повезло крестьянам в царствование Екатерины II. Изучение их быта стало предметом ученой деятельности В. П. Семенова, и это сделано с почти беспрецедентной полнотой.

В. П. Семеновский выпустил в свет два тома. Первый, посвященный помещичьим крестьянам и помещичьим, вышел еще в 1881 году. Появление его, конечно, было событием, так как до этого труда не было подобной работы, столь разносторонней по задачам и целям. В. П. Семеновский изучал помещичьих и помещичьих крестьян с юридической и бытовой точек зрения и тогда же дал отчетливую картину вопроса, впро-

чемъ, значительно дополненную въ новомъ изданіи. Это статика крѣпостного права. Второй томъ посвященъ государственнымъ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ. До работы В. П. Семевскаго и въ этомъ отношеніи чувствовался существенный пробѣлъ, такъ какъ трудъ Веникова, въ которомъ авторъ поставилъ задачей объяснить исторически происхожденіе названій государственныхъ крестьянъ и написанный на основаніи П. С. З., конечно, устарѣлъ. Семевскій начиналъ работу на печатномъ полѣ, и, несмотря на обиліе матеріала, ему удалось блестяще выполнить свою работу. Авторъ не только далъ историческую картину образованія названій государственныхъ крестьянъ, но въ то же время познакомилъ читателя съ его экономическимъ и общественнымъ бытомъ во всей печерывающей полнотѣ.

Исторія XVIII вѣка—исторія постоянныхъ крестьянскихъ волненій, воедино слившихся въ Пугачевщину. Не мало сдѣлано въ этомъ отношеніи В. П. Семевскимъ, а для исторіи Пугачевщины появилось довольно много матеріаловъ. Особенно цѣнны матеріалы Дубровина. Установленіе крѣпостного права въ Малороссіи связано съ именемъ Екатерины II. Долгое время введеніе его объяснялось одностороннимъ актомъ верховной власти, вследствие чего получалась весьма неполная и неотчетливая картина историческихъ судебъ малорусскаго крестьянства. Работы Лазаревского ¹⁾, Микотина ²⁾ и Барвинскаго показали, что крѣпостное право возникло на почвѣ переменъ въ социальной структурѣ въ странѣ, и правительству пришлось только нормировать закономъ существующее отношеніе. Барвинскій ³⁾ особенно подчеркиваетъ вліяніе денежнаго хозяйства въ процессѣ обезземеленія посполитыхъ и происхожденія крѣпостного права въ Малороссіи.

Исторія крестьянъ въ XIX вѣкѣ почти не разработана; ни центральные, ни архивы частные почти не тронуты исследователями. Въ особенности необходимо серьезное изученіе послѣднихъ, такъ какъ только по детальномъ изученіи каждаго помѣщичьяго хозяйства въ отдѣльности можно нарисовать картину экономического развитія страны наканунѣ крестьянской реформы, столь существенно повліявшаго на отбѣну крѣпостного права, а до полного изученія этого вопроса приходится довольствоваться сравнительно незначительнымъ количествомъ матеріаловъ и на основаніи послѣдняго возстановить картину, можетъ-быть, не совсемъ точную, крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка, какъ это сдѣлано П. Б. Струве («Миръ Божій», 1899 г., 10—12) и отчасти П. А. Рожковымъ въ статьѣ «Экономическія причины паденія крѣпостного права». Впрочемъ, въ смыслѣ разработки семейныхъ архивовъ уже кое-что сдѣлано. Сопремся на превосходныя работы Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ») и Павлишина («Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»). Этому же вопросу посвящена и работа Сибѣжневскаго, изучавшаго помѣщиковъ и крѣпостныхъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы. Г-жа П. Пигатовичъ, на основаніи опубликованнаго матеріала и данныхъ редакціонныхъ комиссій о помѣщичьихъ имѣніяхъ, попыталась дать синтетическую работу, рисующую положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во всей Россіи, не включая западныхъ и малорусскихъ губерній. Мало изучены и государственные крестьяне. Кромѣ общихъ замѣчаній о положеніи государственныхъ крестьянъ въ трудѣ Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ и нѣсколькихъ журнальныхъ статей по вопросу о крестьянскихъ волненіяхъ и отчасти ихъ общаго землевладѣнія—въ литературѣ не сдѣлано ничего. Больше извѣстенъ бытъ удѣльныхъ крестьянъ. Много сырого матеріала, нуждающагося въ дальнѣйшей обработкѣ, даетъ трехтомная «Исторія удѣловъ», а съ общиннымъ бытомъ удѣльныхъ крестьянъ знакомитъ прекрасная книга В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи».

1) «Малороссійскіе крестьяне». 2) «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». 3) «Крестьяне лѣвобережной Малороссіи» («Русское Богатство», 1894, 2—4).

Всего лишь приходится констатировать, что фактическое изучение крестьянской реформы началось только в начале 90-х годов. Не изучены даже во всех подробностях изданные материалы, не изучены еще и те архивные документы, которые также не тронуты изучением. Огромное значение для истории крестьянской реформы имеет собрание материалов первостепенной важности в трудах А. П. Скребицкого и П. П. Семенова; но они все еще ждут исследователя. Работа Иванюкова «Наделение крепостного права в России» и труд Корнилова «Крестьянская реформа» дают общий внешний очерк реформы, лишь слегка касаясь вопроса разработки вопросов в различных инстанциях. Впрочем, с последней точки зрения больше удовлетворяет читателя вышеупомянутая работа Корнилова, в которой более подробно рассмотрена постановка и разработка крестьянского вопроса в губернских комитетах, редакционных комиссиях и главным комитетом. Тот же автор губернским комитетам посвятил ряд важных статей в журнале «Русское Богатство». Очень кратко затронуть вопрос об отношении русского общества к крестьянской реформе. Этот вопрос все еще ждет детального исследования, каким является замечательный труд В. П. Семенова о крестьянском вопросе в XVIII и в первой половине XIX века, в котором с исчерывающей полнотой изучено отношение русского общества к крепостному праву. Очень ценно в экономико-статистическом отношении исследование Ходского «Земля и земледельцы», в котором автор следит за применением в жизни начал Положения 19 февраля 1861 г. и его влиянием на судьбу крестьянского землевладения. Вместе с работой Ясона по статистике крестьянских надельных платежей, этот труд дает полное представление о ближайших результатах крестьянской реформы — о влиянии на крестьянское землевладение и его экономической быт. Обе работы захватывают период от введения реформы до начала 90-х годов.

Помимо работ Ясона и Ходского, изучению экономического быта пореформенного крестьянства посвящено множество работ, очень ценных по массе фактического характера. Наиболее были продуктивны в этом отношении 90-е годы в связи с голодом 1892 г. и теоретическими спорами по вопросу о судьбах капитализма в России и последние годы, когда обострились аграрные отношения, а правительство и русское общество в наиболее прогрессивных кругах разошлись по вопросу о мерах для ослабления аграрного голода и поднятия крестьянского благосостояния. Историк аграрных отношений в России не может не упомянуть имя А. П. Чупрова, давшего ряд ценных работ по аграрному вопросу, создавшего земскую статистику, благодаря которой целая группа его учеников могла заняться статистическим изучением деревни. Только на основании последнего детального статистического изучения деревни могла быть написана столь богатая по фактам и ценная по выводам работа Щербины — «Крестьянские бюджеты». В связи с аграрным вопросом в научной литературе изучали и судьбы русского общинного землевладения, жизнеспособность которого и целесообразность отрицались частью экономистов-исследователей, главным образом, со стороны марксистского лагеря в 90-х годах. Теоретические споры между народниками и марксистами по вопросу о судьбах земледелия и общины в России дали возможность пересмотреть весь вопрос сначала, и, в конце концов, прийти к примирительному выводу, в котором нет крайностей народнической и марксистской теорий. Интересы землевладения и крупное капиталистическое хозяйство отнюдь не требуют ни разрушения общины, ни создания безземельного пролетариата. Практика жизни говорит в пользу того, что закон концентрации капитала неприменим в точном смысле к сельскому хозяйству, а ведение крупного капиталистического хозяйства вполне возможно и при сохранении общинно-кооперативного быта, даже при существовании мелкого землевладения.

Статистическія же работы Кочаровскаго, Орлова, Постникова, Шенеховова, В. В. Мануилова наглядно обнаружили жизнеспособность общины и преждевременность мало обоснованнаго мнѣнія о ея фактическомъ умирании. Къ сожалѣнію, эти научно-обоснованные выводы не имѣли никакого вліянія на аграрное законодательство народнаго представительства, поспѣшнѣе похорошить общину и насадить хуторское хозяйство задолго до естественнаго разложенія самого общиннаго землевладѣнія. Въ связи съ изученіемъ судебъ капитализма и аграрнаго строя, были предприняты спеціальныя изслѣдованія объ отходѣ изъ деревни и вліяніи фабрично-заводской промышленности на бытъ деревни и на хлѣбныя цѣны. Конечно, для изученія экономическаго быта русскаго крестьянства все это вопросы первостепенной важности, лишній разъ показывающіе, съ какимъ вниманіемъ и любовью русская наука и публицистика отнеслись къ изученію судебъ пореформеннаго крестьянства. Не меньшее вниманіе уделено въ нашей научной литературѣ и юридическому положенію крестьянина. По существу этотъ вопросъ въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой. Отметимъ коллективный трудъ подъ редакціей А. А. Мануилова, «Очерки по крестьянскому вопросу», 2 т.; Страховскій, «Крестьянскія права и учрежденія»; Прокоповичъ, «Мѣстные люди о нуждахъ Россіи», «Нужды деревни» и спеціальную работу А. Леонтьева «Крестьянское право».

Подбирая иллюстраціи къ юбилейному изданію, посвященному исторіи нашего крестьянства, редакція руководилась двумя соображеніями: съ одной стороны, хотѣлось, конечно, прежде всего использовать тотъ матеріалъ, который давали ему иллюстраціи крестьянскаго и помѣщичьяго быта современники въ различныя эпохи нашего прошлаго, съ другой — взять наиболѣе яркое и типичное изъ создавшаго художниками нашихъ дней. Естественно, что и въ послѣднемъ случаѣ преобладала историческая и публицистическая точка зрѣнія: не художественными достоинствами того или другаго произведенія руководилась подчасъ редакція, а тѣмъ моментомъ, который изображаютъ взятые картины или рисунки. Редакція хотѣлось по возможности всесторонне освѣтить въ иллюстраціяхъ крестьянскій вопросъ, охарактеризовать его экономическую, общественно-правовую и идейную сторону. Конечно, это можно было сдѣлать лишь постольку, поскольку нашелся соответствующій художественный и бытовой матеріалъ и поскольку удачы были въ этомъ отношеніи самостоятельныя, но по неизбежности ограниченныя розыски редакціи. Иллюстраціи могли служить лишь нѣкоторымъ дополненіемъ къ тексту.

Въ подлинныхъ подъ рисунками по возможности указывались источники и пособія, которыми удалось воспользоваться. Нѣкоторыя вещи приходилось брать изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ редакціи первоисточники не всегда были доступны: напримѣръ, богатой Дашковской коллекціей нельзя было даже пытаться воспользоваться въ виду недавно послѣдовавшей кончины ея владѣльца. Главнѣйшимъ источникомъ для иллюстраціонной части послужили коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ (въ особенности пожертвованныя въ музей покойнымъ А. П. Бахрушинымъ), музея М. П. Щукина и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (гг. В. Н. Бобринской, гр. С. В. Паниной, С. П. Мельгулова), а также бібліотеки Историческаго музея, Румянцеваго музея, Петербургской Публичной бібліотеки (отдѣлъ росписки), Московскаго университета, Литературно-Художественнаго Кружка. Затѣмъ художественныя собранія Румянцеваго музея, Третьяковской галлерей и коллекціи Этнографическаго музея при Московскомъ университетѣ. Заставки преимущественно взяты изъ извѣстнаго изданія В. В. Стасова и собраній Педагогическаго музея при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. Зн.

Для иллюстрації некоторых важных, по мнению редакцій, моментов не нашлось подходящего материала: эти пробелы решено было восполнить картинами, специально исполненными для настоящего издания. При совместной работе с художниками, взявшимися за выполнение указанных картин, редакцией было обращено внимание преимущественно на соответствие картин с исторической действительностью, насколько последняя выступает на фоне научных изысканий и может быть воспроизведена кистью художника. Таким образом из основ каждой из вновь написанных картин лежит факт, установленный в исторической литературе или засвидетельствованный современником.

Не будем лишним сказать несколько слов и о портретах. Не придавая им первостепенного значения (большинство их за последние годы появилось в прекрасно выполненном виде в целом ряде историко-литературных трудов), редакция считала, тем не менее, необходимым в юбилейном издании поместить портреты тех русских деятелей, которые боролись против крепостного права и содействовали освобождению народа от рабских цепей экономического, социального и политического гнета; на ряду с этими помещены и портреты наиболее видных крепостников, как теоретиков рабовладельия, так и практиков. Портреты помещались, главным образом, применительно к тексту, т.е. помещались почти исключительно портреты тех лиц, имена которых фигурируют в изложении. К сожалению, не всегда можно было поместить изображение того, чье имя за деятельность в отдаленном прошлом заслуживает памяти потомства. Где найти портреты тех немногих депутатов Екатеринской комиссии, ратовавших против крепостного права? Потомству о них, повидному, оставлен лишь литературный памятник. Легко найти портреты титулованных лиц, написанные иностранцами и крепостными художниками; они разысканы в частных и общественных коллекциях; они воспроизведены в прекрасных изданиях в виде издания вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII в.» и т. д.

Портретами из последней серии, из музейских и частных коллекций и отдельных исторических изданий редакция и пользовалась для своих целей. Повидному, некоторые портреты появлялись впервые в книжном воспроизведении.

Наибольшую трудность, конечно, представлял подбор иллюстраций к отдаленной эпохе XVI—XVII вв., откуда в сущности начинается повествование о крепостном праве и о борьбе против него закрепощенного крестьянства. В этот момент иллюстраторами могли явиться исключительно лишь иностранцы, посещавшие Россию. Для помещика повседневный быт низших классов не заслуживал большого внимания, и меньше всего являлась та сторона, которая преимущественно интересует нас, т.е. возраставшее социальное неравенство. Такие моменты, наиболее трудные для воспроизведения в виде иллюстраций, конечно, отсутствуют в изданных путешествиях иностранцев XVII столетия. Лишь внешняя укладка крестьянского быта нашла себе отчасти отклик в иллюстрациях посещавших Россию иностранцев. Рисунки эти имеют почти исключительно исторический интерес, как отражение впечатлений современников, воспроизведенных еще неумным и подчас самым рьяным гравером. Конечно, лишь очень приблизительно соответствуют они действительности, лишь некоторые черты их являются характерными для крестьянского быта XVII в. кое-что можно было все-таки подчеркнуть из наших набросков современников: таковы изображения типичного вида русских деревень, помещенные в альбоме Мейерберга; типы крестьян в путешествии Олария и изображение народных развлечений там же. Вот почти все, что, повидному, как главный источник, можно указать для XVII столетия. Этого, очевидно, было очень недостаточно. Из картин современных нам художников, кажется, лишь две посвящены отчасти крепостному праву XVII ст. (не считая тех, которые появились в сериях исторических картин, изданных раз-

личными фирмами); это картина бар. Клода «Шутъ» и Карелина «Забава». Обѣ онѣ (воспроизводимыя въ изданіи) изображаютъ неизбежную принадлежность крѣпостного помещичьяго быта—придворныхъ дураковъ и шутовъ. Редакціей помещено еще двѣ новыя картины, написанныхъ специально для изданія художникомъ К. В. Лебедевымъ: одна изъ нихъ изображаетъ «Снозь крестьянъ» въ XVI в., какъ наиболее характерное явленіе данной эпохи, другая—опустѣвшую деревню XVII в., изъ которой бѣжало население, обремененное непосильными финансовыми требованіями казны и гнетомъ служилого помещика.

Для характеристики свободного крестьянства XVII в. въ Поморьѣ, къ сожалѣнію, трудно было что-нибудь найти. Здѣсь помещены типы поморь-старообрядцевъ, набросанные уже въ XVIII в., и рѣчныя загорожденія для рыбной ловли той же эпохи, могущія характеризовать складнической крестьянской трудъ.

Эпоха Петра оказалась наиболее бѣдной. Здѣсь въ сущности не удалось подыскать почти ничего специфическаго для характеристики быта русскаго крестьянина. Даже и въ томъ, по видимому, портрета крестьянскаго радѣтеля Писонкова. Помѣщенная картина художника А. В. Моравова «Прорытіе Ладожскаго канала» должна характеризовать собой тотъ принудительный трудъ для общественныхъ работъ, который въ широкихъ объемахъ практикуется полицейскимъ государствомъ Петра и для котораго изъ всей Россіи стоняютъ тысячныя толпы крестьянъ. Вторая половина XVIII и начало XIX столѣтія уже болѣе благодарны въ смыслѣ иллюстрацій. Иностранцы конца XVIII в. дали многочисленныя изображенія типовъ русскіхъ крестьянъ, заглянули во внутренность избы, изображая небезынтересныя сценки изъ народной жизни и народного труда, и даже, пожалуй, коснулись нѣкоторыхъ сторонъ крѣпостнаго права. Въ иностранныхъ гравюрахъ XVIII в. много вниманія удѣляется наказаніямъ, практиковавшимся въ Россіи: кнутъ, плеть, батоги фигурируютъ чрезвычайно часто и у различныхъ авторовъ. Особенно для насъ интересны въ данномъ случаѣ наказанія именно крестьянъ, какъ они, напримѣръ, представлены у англичанина Аткинсона. Многіе изъ этихъ рисунковъ еще недостаточно жизненны по манерѣ писанія, другіе приорно слащавы, третья изображаютъ русскаго крестьянина подѣ французскаго и т. д. Но само по себѣ уже примѣчательно, что крестьянскому быту удѣляется значительное вниманіе. Не оставленъ безъ вниманія и помещикъ-баринъ: характерна, напримѣръ, карета съ гайдуками у Аткинсона „Manners and customs of the Russians“ (1803 г.) или у него же егеръ; чрезвычайно жизненно изображеніе крестьянскаго хода у Грубера и Гейслера: „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen. Leipzig, 1793 г.“—помещикъ, шествующій съ набожно-важнымъ видомъ впереди священника... Кромѣ упомянутыхъ, соответствующіе рисунки заимствованы изъ путешествія Соха 1784 г., книги Kupfer'a 1776 г., альбома Le Prince'a 1764 г., изъ книги аббата Chappé d'Auteroche „Voyage en Sibirie“ 1761 г., Гуна «Изъ Москвы въ Малороссію» (1806), англійскаго изданія „The Costume of the Russians“ 1804, Robert Lya'll „The character of the Russians“ (1823), Poubigant „Moeurs et costumes des Russes“ (1721), Breton „La Russie: moeurs, usages et costumes“ (1813) и въ некоторыхъ другихъ. По качеству выполненія изъ перечисленныхъ источниковъ наиболее выдѣляется альбомъ Le Prince'a, гдѣ изображенія русскаго крестьянскаго быта отдають изящной манерностью школы Буше и Фрагонара. Но особенно цѣнной для XVIII в. является дѣйствительно прекрасная группа русскіхъ крестьянъ датскаго художника Эрикссена. Его «Семейство русскіхъ крестьянъ» находится въ картишной галлерей Румшценскаго музея. Эриксенъ былъ въ свитѣ Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ; по «приказанію императрицы» онъ написалъ эту картину, заключающую въ себѣ грудные портреты старика-дѣда, бабки, ихъ домочадцевъ.

Вторая половина XVIII в.—золотой вѣкъ дворянства, привольной и широкой жизни на основѣ крѣпостнаго труда. Въ дворянскій бытъ проникаетъ роскошь, высшее дворянство

начинать — подражать двору, который, в свою очередь, стремится уподобиться «славной Венеции». Помещая извратный помещичий бытъ, изображеніе котораго находится въ записках извѣстнаго Болотова (1763 г.), мы беремъ въ то же время роскошные дворцы, представляющіеся въ помѣстьяхъ царедворцевъ. Въ книгѣ помѣщены, напримѣръ, дворцы въ Остафьевѣ и Кусковѣ Шереметьевыхъ, въ Архангельскомъ Юсуповыхъ, въ Шабликинѣ (Орлов. губ.) Кирѣевскихъ, въ Ахтыркѣ (близъ Хотькола) Трубецкихъ, въ Маронинѣ (Моск. губ.) Пашиныхъ, въ Батуринѣ (близъ Глухова) К. Разумовскаго, Бобринскихъ въ Богородицкомъ уѣздѣ и т. д. Некоторые изъ нихъ берутся съ современныхъ снимковъ (XVIII или начало XIX в.), съ другихъ сдѣланы снимки специально для настоящаго изданія фотографомъ г-на Н. Д. Сыгина. Редакція предполагаетъ воспользоваться и нѣкоторыми интересными снимками помещичьихъ усадебъ, появляющимися въ журналѣ «Старые Годы».

Придворный бытъ, которому стремится подражать высшее дворянство, довольно ярко изображенъ въ картинѣ Лансере «Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ» и Якоби «Шуты при дворѣ Анны Иоанновны». Но за этимъ виднымъ блескомъ скрывается рабовладѣніе, ужасы истязаній разныхъ Салтычихъ, Шениныхъ и т. д. Эта ужасная и развращающая сторона крѣпостного права до сихъ поръ еще не нашла себѣ отраженія въ художественныхъ изображеніяхъ. Редакція считала необходимымъ дать соотвѣтствующую картину художника Курдюмова, изображающую по возможности въ мягкихъ тонахъ истязаній крѣпостныхъ Дарьей Салтыковой.

Протестъ крѣпостныхъ противъ «мучителей», выразившійся въ Пугачевщинѣ, привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, какъ и раньше бунтъ Степки Разина. Мы имѣемъ нѣсколько, конечно, въ значительной степени анопрофическихъ портретовъ вождей поднимавшагося крестьянства, нѣсколько гравюръ, посвященныхъ усмиренію Пугачевщины, а также прекрасную картину Перова «Судъ Пугачева».

Начало XIX в., когда появляется уже русская школа, русскіе художники, живопись приближается къ дѣйствительности, становится въ значительной степени реальной. Какъ отнесется она къ крестьянскому быту и къ крѣпостному праву? Уже отецъ русскаго жанроваго натурализма Венеціановъ (1779—1847) далъ безспорно интересные типы крестьянъ; за нимъ Троицкинъ (1776—1857), художникъ, вышедшій изъ крѣпостной среды, набрасываетъ привлекательные, слегка идеализированные, образы «спрахи» и «кружевницы», т.-е. крѣпостныхъ дѣлушекъ, и, быть-можетъ, тѣмъ самымъ привлекаетъ вниманіе общества къ крестьянину-человѣку, а не рабу. Для начала XIX в. интересные наброски дѣлаетъ камергеръ А. П. Львовъ, набрасывая крестьянскія деревушки во время своей поѣздки по Россіи. Въ 20 гг. относятся извѣстные рисунки Орловскаго. Въ 40 гг. интересные рисунки Солмада. Пикарнскіе освобожденія можно указать цѣлый рядъ альбомовъ, дающихъ изображеніе сценъ изъ пародіаго быта: Святочный альбомъ Рыбинскаго (1858), Святочныя игры Делляга (1859), Русскіе типы Вальтера и нѣкоторые другіе. Богаче становится и этнографическій матеріалъ — достаточно указать на рисунки, помѣщаемые въ художественномъ листкѣ Тимма (1851—62 гг.). Выступаютъ художники Трутовскій (1826—1893) и Соколовъ (1821—1899), большинство картинъ которыхъ, впрочемъ, относится уже къ пореформенному времени.

Итакъ, представленъ крестьянскій и крестьянскій бытъ все же довольно полно. А крѣпостное право? У Трутовскаго есть на него намекъ, напримѣръ, картины: «Благодытельница», «Послѣ обѣда» и др., но это скорѣе изображеніе помещичьяго быта съ нѣсколько патриархальнымъ отблескомъ. Такіе же намеки мы найдемъ и ранѣе у Венеціанова для помещичьяго хозяйства. Но крѣпостное право, какъ таковое, конечно, и не могло найтись себѣ отраженіе въ художественныхъ изображеніяхъ. Крѣпостные художники рисовали своихъ баръ и ихъ помѣстья. Вольная часть художника неизбежно патакаивалась на цензурный